

AARDM Reprint - 1982

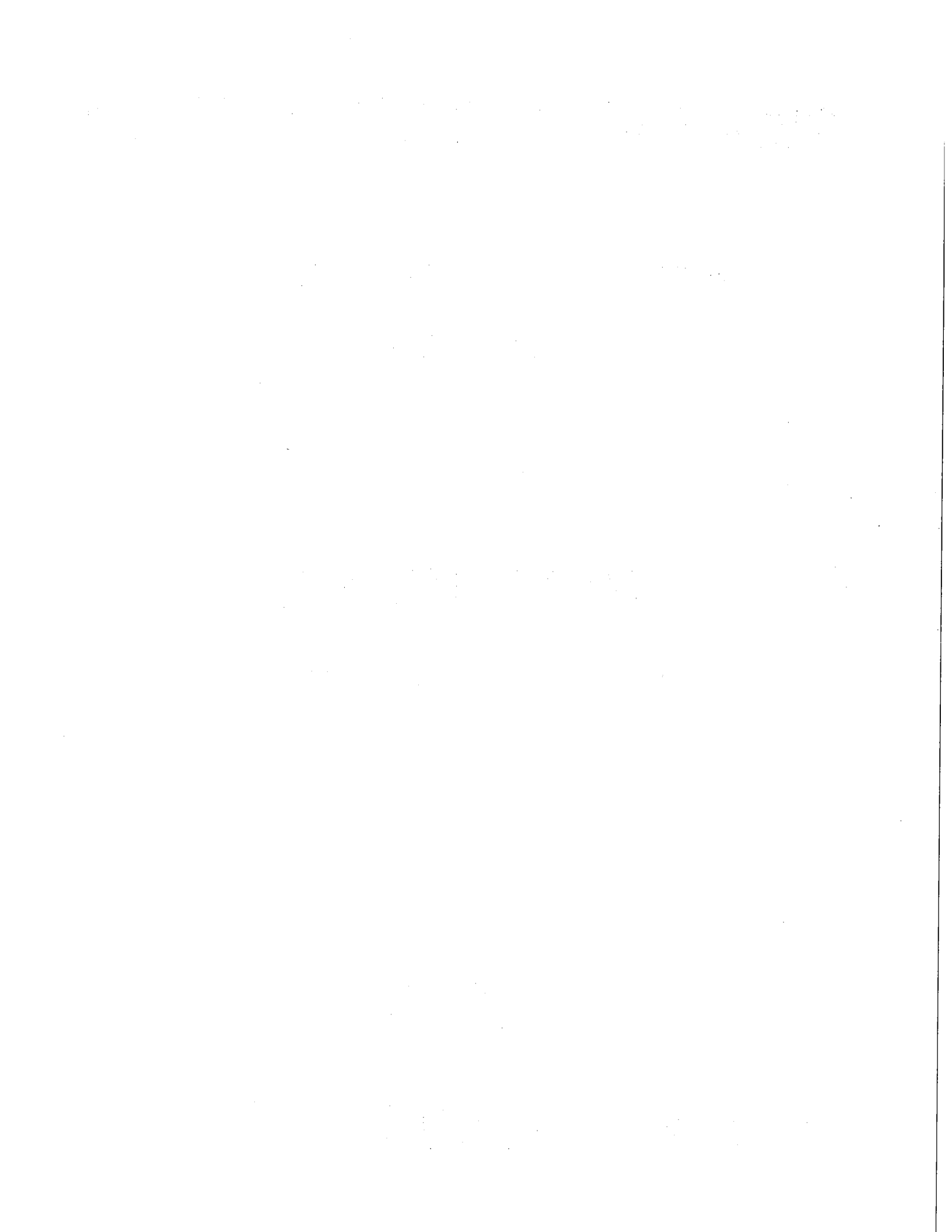
Прот. А. К. Свирѣликъ.

ГРИГОРІЙ НЕРОНОВЪ,

архимандритъ Переделавскаго Давилова монастыря.

Владиміръ на Клязьмѣ,
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.

1904.

Прот. А. И. Свирѣликъ.

ГРИГОРІЙ НЕРОНОВЪ,

архимандритъ Переяславекаго Данилова монастыря.

Владиміръ на Клязьмѣ,
Типо-Литографія Губернскаго Правленія.

1904.

~~~~~  
Печатано по постановленію Владимірской Ученой Архивной Коммисіи.  
Предсѣдатель *И. М. Леонтьевъ.*  
~~~~~

Изъ 6-й книги „Трудовъ“ Владимірской Ученой Архивной Коммисіи.

AARDM Reprint

Archives of Americans of Russian Descent
in Minnesota
3217 - 32nd Avenue N.E.
Minneapolis, MN. 55418
U.S.A.

СВѢДѢНІЯ

о жизни архимандрита Переславскаго Данилова монастыря ГРИГОРІЯ НЕРОНОВА ¹⁾.

Если вы будете въ г. Переславль Залѣсскомъ и пожелаете помолиться въ Даниловомъ монастырѣ, то остановитесь на нѣсколько минутъ на папертяхъ соборной церкви и направо отъ входныхъ дверей обратите вниманіе на надписи, высѣченныя на стѣнѣ собора. Здѣсь четыре надписи надъ погребенными архимандритами Данилова монастыря: 1-я гласитъ: 1710 года преставися... Архимандритъ Досифей и правилъ архимандритіею 8 л. и 7 мѣсяцевъ *смирненно*; 2-я: 1746 г. преставися Архимандритъ Антоній Платковскій и правилъ архимандритіею *смирненно* 1 г. и 5 мѣсяцевъ; 3-я: 1792 г. отъиде въ вѣчное блаженство Архимандритъ Амвросій Карцевъ изъ дворянъ; наконецъ 4-я вверху этихъ надписей: „лѣта 7178 (1670 г.) Іаннуарія во 2 день на память иже во святыхъ отца нашего Сильвестра, папы Римскаго, преставися рабъ Божій обители сея архи-

¹⁾ Главнымъ источникомъ для составленія настоящей статьи послужили матеріалы для исторіи раскола, изданныя редакціей „Братскаго Слова“ т. I, 1875 г.; цифры, выставляемыя въ статьѣ, указываютъ на страницы этихъ матеріаловъ, гдѣ находится то или другое обстоятельство, то или другое реченіе. Мнѣ хотѣлось изъ этихъ матеріаловъ представить жизнь Неронова въ возможной системѣ. Была также у меня статья о Нероновѣ проф. Знаменскаго (Прав. Собес. 1869 г., ч. 6, стр. 236—282 и 325—366) и нѣсколько документовъ Данилова монастыря.

мандрить Григорій Нероновъ. Читая раньше эти надписи, мы не придавали особеннаго значенія какой нибудь изъ нихъ, а считали всѣхъ здѣ лежащихъ почившихъ архимандритовъ обыкновенными смертными православными и молились по мѣрѣ вѣры и усердія о упокоеніи ихъ. Въ недавнее время мы снова прочитали эти надписи и, сравнивая ихъ между собою, невольно остановились на надписи надъ могилой архимандрита Григорія Неронова. Въ первыхъ двухъ надписяхъ написано, что настоятели управляли архимандритією *смиренно*, въ 3-й сказано, что преставившійся *отошелъ въ царство небесное*, въ 4-й надъ архимандритомъ Григоріемъ Нероновымъ сказано только *преставися* и больше ничего. Что сіе значитъ? Что это за архимандритъ Григорій Нероновъ? По наведеннымъ справкамъ оказалось, что этотъ архимандритъ Григорій Нероновъ не обыкновенный смиренный смертный Даниловскій архимандритъ; но въ свое время — это рыцарь печальнаго образа, начало и вождь русскаго раскола, извѣстный болѣе подъ именемъ протопопа Ивана Неронова. Это одинъ изъ самыхъ видныхъ защитниковъ раскола, 14 лѣтъ возмущавшій миръ въ православной церкви Божіей.—это, какъ называлъ его другъ его Аввакумъ, *глава* всего раскольническаго скопища. „*Нынѣ*, писалъ онъ царю, *ученіе въ Россіи не стало, и глава отъ церкви отстѣ, а глава*, поясняетъ онъ судьямъ, *реку — Иванъ, у Казанскія церкви тутъ былъ* (24). И дѣйствительно — это была самая рьяная глава раскольниковъ: это былъ какой-то ураганъ, который, не смотря ни на какія противодѣйствія ему, хотѣлъ смести все православное! Онъ безцеремонно пишетъ свои челобитныя и царю, и царицѣ, и восточнымъ патріархамъ.

По таковымъ его доблестямъ, ему надлежало бы быть гдѣ нибудь въ далекой ссылкѣ, или на плахѣ, какъ Никитѣ Пустосвяту; а онъ покоится въ скромной православной обители Преподобнаго Даниїла, и не какъ простой смертный, а какъ настоятель ея, архимандритъ, вмѣстѣ съ другими смиренными архимандритами той обители! Какъ все это случилось? Прослѣдимъ его жизнь.

Лѣта отъ сотворенія міра 7099, а отъ Рождества Христова 1591, въ предѣлахъ Вологды, въ 60 верстахъ отъ нея, на Лому при р. Сарѣ у крестьянина Мирона ¹⁾ родился сынъ, названный въ крещеніи Гавріиломъ. Данное въ крещеніи имя обыкновенно такъ и остается у человѣка во всю жизнь его, если онъ не принялъ монашества. У сына Миронова вышло не такъ. Родителямъ Гавріила казалось недостаточнымъ для своего сына даннаго ему при крещеніи имени; они сами дали ему другое «Іоаннъ», въ знакъ того, что *отъ младыхъ ногтей* вселися въ него благодать Св. Духа. И это имя такъ привилось къ Неронову, что почти совсѣмъ вытѣснило имя Гавріилъ, данное ему при крещеніи. Въ исторіи раскола Нероновъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Ивана Неронова, а не Гавріила.

О его дѣтствѣ и дальнѣйшей его дѣятельности до его протоіерейства въ Московскомъ Казанскомъ соборѣ, когда онъ открыто возсталъ противъ исправленія книгъ патриархомъ Никономъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ другихъ документовъ, кромѣ житія его, писаннаго вскорѣ послѣ его смерти однимъ изъ почитателей его, и записки о, его жизни.

---

¹⁾ Въ народномъ употребленіи имя *Миронъ* произносилось *Неронъ*, — отчего и произошло, что вмѣсто *Иванъ Мироновъ* стали звать *Иванъ Нероновъ*.

Житіе это, надобно сказать, написано безъ упоминанія о раскольническихъ подвигахъ Неронова; но писано съ тою главною цѣлю, чтобы представить его, какъ великаго учителя и подвижника въ праведной жизни. По образцу житій святыхъ отецъ, и составитель житія Григорія Неронова о дѣтствѣ его пишетъ: *„и бѣ нравомъ кротокъ и смиренъ, къ инымъ отрокомъ, въ безстрашии живущимъ, никогда же прилагаяся и удаляйся отъ всякаго зла“*. Но уже въ юношескомъ возрастѣ, какъ изъ самаго житія видно, рекомый Іоаннъ сталъ проявлять свой самостоятельный непокойный характеръ. Во время нашествія поляковъ и литовцевъ на Русскую землю, хищническіе отряды появились въ предѣлахъ Вологды и домъ отца Іоанна разграбили и сожгли, а жители того селенія стали разбѣгаться по разнымъ мѣстамъ; тогда и юноша Іоаннъ оставилъ свое отечество и сродниковъ и пришелъ въ г. Вологду во время рождественскихъ праздниковъ. Проходя улицами города, онъ увидѣлъ ряженныхъ въ маскахъ, выходящихъ, какъ онъ узналъ, изъ архіерейскаго дома; Іоаннъ воскипѣлъ гнѣвомъ, сталъ обличать ихъ и поносить, какъ слугъ бѣсовскихъ. Прислуга архіерейская набросилась на неожиданнаго учителя и избила его до полусмерти. „И лежалъ онъ, замѣчено въ житіи, отъ вечера до утра, а потомъ, яко отъ сна возбудися и Божіею помощію ни мало чужше болѣзни на тѣлѣ своемъ“ (248). Продолжая свое путешествіе далѣе, Іоаннъ дошелъ до г. Устюга и поселился въ домѣ одного церковника, у котораго выучился читать. Житіе и это обученіе выставляетъ, какъ нѣчто необыкновенное: сперва онъ туго понималъ грамоту, потомъ, послѣ долгой молитвы къ Богу объ откровеніи ему смысла, *единнымъ часомъ*

отверзе ему Богъ умъ разумѣти писанія, и сверстниковъ своихъ превзыде (250). Странствуя далѣе, Іоаннъ пришелъ въ городъ Юрьевецъ Поволгскій и помѣстился въ селѣ Никольскомъ у одного священника и съ нимъ непрестанно ходилъ къ службамъ церковнымъ, изучая уставъ ихъ. Живя у священника долгое время, Іоаннъ женился на его дочери (Евдокии), и мать ея радовалась, что Богъ такъ нечаянно далъ имъ зятя *праведна и благоразумна суца* (250). При церкви въ селѣ Никольскомъ было нѣсколько священниковъ, ведшихъ (по сказанію житія) жизнь не всегда высоко-нравственную. Іоаннъ сталъ обличать ихъ, не пощады даже и тестя своего. Въ это время было ему уже около 30 лѣтъ. Священникамъ, конечно, непріятно было слышать нравоученія какого-то странника, и вотъ они вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ прихожанъ написали жалобу на Неронова патріарху Филарету, уличая его, вѣроятно, въ поносныхъ рѣчахъ противъ лицъ священнаго сана. Видя, что дѣло плохо, и сообразивъ, что село это было одно изъ вотчинныхъ Троицко-Сергіева монастыря, Нероновъ (сказавшись только своей женѣ) убѣждалъ изъ села въ тотъ Сергіевъ монастырь. Здѣсь онъ принялъ образъ смиреннаго и кроткаго странника и сдѣлался скоро извѣстнымъ самому архимандриту Діонисію, жилъ даже у него въ кельѣ не малое время и такъ сумѣлъ войти въ его расположеніе, что архимандритъ отъ себя написалъ письмо патріарху, въ которомъ представилъ Неронова съ лучшей стороны, какъ невинно пострадавшего по злобѣ на него священниковъ того села, и просилъ поставить его въ санъ діакона. Патріархъ поставилъ Неронова въ діакона, а по доносу священниковъ приказалъ нарядить строгое слѣдствіе,

съ тѣмъ, что если священники окажутся виновными, посадить ихъ въ тюрьму, со взысканіемъ съ нихъ проторовъ и убытковъ, какіе онъ потерпѣлъ вслѣдствіе хожденія въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Но, говоритъ житіе, „*праведная и незлобивая*“ душа Іоанна простила обидѣвшихъ и желала прекратить судъ. Заручившись расположеніемъ Троицкаго архимандрита и вниманіемъ самого патріарха, діаконовъ Іоаннъ сталъ свободнѣе проявлять свой нравъ „и егда, пишется въ житіи, іереи прихождаху въ церковь піани, тогда Іоаннъ отторгаше ихъ отъ алтаря и вонъ изъ церкви извождаше, и *единъ пояше въ церкви* и поучаше народъ“ (255). Нероновъ годъ такимъ образомъ прослужилъ діакономъ, а потомъ пошелъ въ Москву; здѣсь посвященъ патріархомъ въ іерейскій санъ и явился опять въ село Никольское. Причтъ, конечно, сталъ косо смотрѣть на новаго іерея и еще болѣе возненавидѣлъ его. Увидѣлъ и самъ Нероновъ, что жизнь его въ этомъ селѣ не на утѣшеніе ему, и потому, взявъ свою жену, пришелъ въ село Лысково, Нижегородскаго уѣзда, и поселился въ домъ священника Ананія въ качествѣ его викарнаго священника. Священникъ Ананія былъ довольно свѣдущъ въ знаніи священнаго писанія, и іерей Іоаннъ многому научился отъ него. Жилъ онъ въ этомъ селѣ долгое время. Но для широкой натуры Неронова тѣсно было жить подъ присмотромъ другого,—онъ хотѣлъ простора и жизни болѣе самостоятельной. Онъ оставилъ Лысково и переселился въ Нижній-Новгородъ. Пристроиться къ какой-либо церкви, у которой уже былъ причтъ, ему не хотѣлось; ему хотѣлось самому быть настоятелемъ. Внутри города была одна деревянная церковь, стоявшая безъ службы, въ за-

пустѣнии,—при ней онъ и поселился и сталъ служить въ ней вечерню и утреню, созывая народъ, за неимѣніемъ колоколовъ, посредствомъ деревяннаго била. Какъ можно было такъ завладѣть церковію и свободно совершать въ ней службы, можно объяснить только простотою тогдашняго времени. Оставляемъ этотъ вопросъ на отвѣтственности житія. Для привлеченія къ себѣ народа и овладѣнія душами слушателей у іерея Іоанна была уже хорошая опытность: кромѣ совершенія службъ, онъ занимался объясненіемъ священнаго писанія и, поучая народъ, *„кланяшеся на обѣ стороны до земли, со слезами моля слушателей имѣть попеченіе о спасеніи душъ“*. Такой необычный способъ толкованія свящ. писанія не могъ не оказывать на народъ сильнаго впечатлѣнія. Кромѣ того, онъ сталъ ходить по улицамъ города и на торжище, нося съ собою книгу Маргаритъ, и всѣмъ возвѣщалъ путь спасенія.

Слава о новомъ неусыпномъ проповѣдникѣ стала распространяться болѣе и болѣе, даже по окрестностямъ—и потекли къ нему пожертвованія. Отецъ Іоаннъ завелъ церковную утварь и колокола,—вмѣсто ветхой церкви устроилъ новую благолѣпную, и клиръ завелъ, настроилъ и келій для жительства инокинъ, и страннопріимную, въ которой питались иногда до ста человѣкъ. Многіе изъ гражданъ приводили къ нему дѣтей ради книжнаго ученія, и онъ училъ ихъ съ прилежаніемъ. Если дѣйствительно такова была дѣятельность Неронова, то, конечно, она очень почтенна и достойна уваженія. Благоразуміе требовало духовному лицу и пребывать въ этомъ званіи, и подвизаться въ этихъ трудахъ, приличныхъ іерею. Но неспокойной натурѣ Неронова надобно было вмѣшаться въ постороннія дѣла. Во время святокъ

въ Нижнемъ Новгородѣ, да и во всѣхъ почти городахъ русскихъ, развито было ряженъе въ различныя одежды съ масками; ряженые ходили по улицамъ и домамъ съ бубнами и домрами и разыгрывали разные смѣшныя сцены съ плясками. Іерей Іоаннъ, никѣмъ неуполномоченный, самъ по себѣ вооружился противъ ряженыхъ. Ночью, даже въ полночь, съ своими учениками онъ выходилъ изъ своего мѣста на городскія улицы—и всѣхъ попадающихся ему ряженыхъ обличалъ, а орудія игрищныя—бубны и домры отнималъ и разбивалъ. Скоморохи, конечно, вступали въ состязаніе съ Нероновымъ и защищались,—и такимъ образомъ по ночамъ устраивались смятенія и побоища. Бывшій тогда воевода Ѳедоръ Шереметьевъ, на обязанности котораго лежало наблюдать тишину и спокойствіе въ городѣ, привлекъ Неронова, какъ главнаго виновника ночныхъ смятеній въ городѣ, къ суду и посадилъ его въ тюрьму, заковавъ его въ узы желѣзныя. И пробылъ о. Іоаннъ въ тюрьмѣ 40 дней, „пока, замѣчено въ житіи, нѣкто отъ боголюбивыхъ повелѣніемъ *царевымъ* разрѣшивъ его, отпусти“.

О. Іоаннъ Нероновъ жилъ въ Нижнемъ; но, разъ испытавши на себѣ благоволеніе патріарха Московскаго, выразившееся въ его производствѣ въ діакона и іерея, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ стремился заявлять себя въ Москвѣ. Оказались у него нужды по устройству церкви и по другимъ благотворительнымъ учрежденіямъ, и онъ на праздникъ Пасхи явился въ Москву. По сказанію житія, былъ въ Москвѣ обычай предъ этимъ праздникомъ брить волосы на головѣ и бороду и ходить въ церковь въ тафьяхъ. Видѣли это, конечно, и патріархъ и другія высшія лица духовнаго званія; но невидно

было какихъ-нибудь мѣръ съ ихъ стороны противъ уничтоженія такого страннаго обычая. Явился въ Москву нижегородскій іерей Іоаннъ и выступилъ съ дерзновеніемъ съ словомъ обличенія противъ бояръ и другихъ высокихъ чиновъ. Много пришлось ему перенести отъ нихъ неприятностей и побоевъ; но цѣль его достигнута. Отсюда, т.-е. изъ этого обстоятельства, онъ сталъ быть извѣстнымъ и царю, и патриарху, и многимъ боярамъ; кромѣ того, получилъ онъ и много разныхъ подарковъ—и прибылъ въ Нижній. Сдѣлавшись извѣстнымъ царю и патриарху, іерей Іоаннъ повелъ себя въ Нижнемъ совершенно самостоятельно, не признавая надъ собою никакой мѣстной церковной власти. Послѣ нѣкоторыхъ столкновеній, протоіерей собора, за самочинныя дѣйствія и ученіе Неронова, посадилъ его въ тюрьму, заковавъ ноги и шею въ тяжкія желѣза. Узы эти, по сказанію житія, не смѣли касаться тѣла такого праведника, какимъ былъ Нероновъ, и внезапно съ него спали, двери темницы отворились—и ворота двора темничнаго также оказались отверстыми;—онъ вышелъ никѣмъ невидимый и никѣмъ неударживаемый и пришелъ прямо къ своей церкви и зазвонилъ на церковное пѣніе. Послѣ такого чуда, замѣчено въ житіи, и протопопъ соборный *несмѣяше, что зла ему сотворити* (266).

Въ Нижнемъ Новгородѣ удалось Іоанну Неронову одержать верхъ надъ своими врагами; за то ненависть къ нему росла болѣе и болѣе. Сдѣлавшись извѣстнымъ царю и патриарху, широкая и самолюбивая душа его искала большей извѣстности, чтобы еще повыше выдвинуть себя. Начиналась война съ Польшею, составлялись въ Москвѣ полки на брань. Въ это время прибылъ въ царствующій

градъ и отецъ Нероновъ; „провидя духомъ“, сказано въ житіи, *яко немутъ одолѣти сопротивныхъ*, онъ просилъ и царя, и патріарха покончить дѣло миромъ.

Въ настоящій разъ онъ своимъ вмѣшательствомъ въ государственныя дѣла хотѣлъ изобразить изъ себя не только защитника религіи, но и мудраго политика, мужа, для государства нужнаго. Однако и царь, и патріархъ очень неблагоклонно посмотрѣли на вмѣшательство въ государственныя дѣла пришлаго іерея,—и повелѣли сослать его въ Корельскій монастырь въ заточеніе. Путь отъ Москвы до Корельскаго монастыря житіе обставляетъ непрестанными чудесами: *елижды бо свирѣный, приставленный воинъ налагаше на Иоанна оковы желъзныя, толико узы оныя сами спадаху съ него* (268). Но воинъ не видѣлъ тутъ силы Божіей, а простую хитрость ссыльнаго, и потому всякій разъ, когда узы спадали съ Неронова, принимался бить его и ругать—и опять надѣвалъ ихъ. Такимъ образомъ и доставленъ былъ о. Иоаннъ въ Корельскій монастырь. Сосланный въ заточеніе царемъ и патріархомъ, Нероновъ долженъ бы смирится и вести себя въ монастырѣ, подчиняясь монастырскимъ уставамъ; но не такой ужъ онъ былъ человекъ: онъ и здѣсь сталъ вмѣшиваться въ дѣла настоятеля и въ жизнь иноковъ—и постоянно докучалъ имъ своими обличеніями. Они, по рассказамъ житія, захотѣли избавиться отъ неугомоннаго пришлеца: истопили келью, въ которой онъ жилъ, съ угаромъ, посадили въ ней Иоанна и заперли, надѣясь, что онъ умретъ отъ угара. Но тамъ, гдѣ человеческими средствами нельзя избавиться отъ грядущей опасности, житіе приводитъ чудесное, необычное избавленіе: „и внезапно, по сказанію его,

восхищенъ бысть Іоаннъ отъ келіи и поставленъ верстъ за 70 отъ монастыря въ г. Холмогоры въ домъ нѣкоего воина“ (269).

Нероновъ разсказалъ воину о своемъ чудесномъ избавленіи и перенесеніи сюда,—этотъ воеводѣ, а воевода отписалъ будто царю и патриарху, которые и повелѣли освободить такого чудотворца изъ заточенія. Іоаннъ явился въ Москвѣ къ царю и патриарху и, получивъ отъ нихъ разрѣшеніе, отправился опять въ Нижній. Въ Нижнемъ онъ по прежнему проявлялъ свою учительную и служебную дѣятельность, не выходя уже впрочемъ по ночамъ на улицы города. Пожертвованія потекли къ нему обильныя, такъ что онъ и церковь создалъ каменную, и кельи каменные построилъ, и женскій монастырь устроилъ. Оправдывается ли все это исторіей, неизвѣстно; сказывается о томъ житіе, а другихъ свидѣтелей нѣтъ.

Хорошо устроился Нероновъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, и покойно было ему жить. Черезъ разныя искательства въ Москвѣ онъ сталъ извѣстенъ и царю, и патриарху, почему и прежніе его Нижегородскіе враги нетрогали неугомоннаго и опаснаго человѣка, который при малѣйшемъ столкновеніи съ нимъ могъ надѣлать много безпокойства. Да и самъ Нероновъ, занявшись, вѣроятно, устройствомъ церквей и женскаго монастыря, на извѣстномъ прежде мѣстѣ, уже не находить нужнымъ выходить по стогнамъ города съ обличеніями. Авторитетъ его, какъ пастыря, любящаго богослуженіе и учительна, утвердился. Между тѣмъ судьба указывала ему другое болѣе видное мѣсто. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ два лица особенно были близки къ нему и

имѣли на него громадное вліяніе: это духовникъ царскій Стефанъ Вонифатьевичъ и постельничій царскій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, человекъ умный и религіозный. Оба они были озабочены учрежденіемъ богослужебнаго порядка, п. ч. и пѣніе и чтеніе въ церквахъ происходило въ одно и тоже время. „Смущеніе веліе вниде въ святую церковь, замѣчаетъ житіе Неронова, отъ неразумѣющихъ Божественнаго ученія, не единогласно пѣваху, но въ гласы два, и три и въ шесть церковное совершаху пѣніе, другъ друга неразумѣюще, что глаголютъ; и отъ самѣхъ священниковъ и причетниковъ шумъ и козлогласованіе во святыхъ церквахъ бываше странно зѣло“ (274).

Духовникъ Стефанъ и Ртищевъ просили царя установить порядокъ въ церкви—и утвердить пѣніе единогласное вмѣсто многогласнаго. Царь съ радостію согласился на ихъ просьбу. Для введенія этого чина церковнаго, конечно, требовались люди способные: и Стефанъ Вонифатьевъ—*желаше избрати себѣ въ помощь мужа во словесехъ рѣчиста и въ святыхъ книгахъ искуснѣйша*. Въ это время явился изъ Нижняго въ Москву іерей Іоаннъ. Житіе представляетъ это явленіе какъ будто случайнымъ; но несомнѣнно, что ему дали знать изъ Москвы, а быть можетъ или Ртищевъ, или самъ Вонифатьевъ, вызвали его въ Москву; они часто Неронова приглашали къ себѣ, а онъ *ученіемъ Божественнаго писанія многу пользу подаяше имъ* (275). На этомъ искусѣ о. Іоаннъ оказался вполне подходящимъ человекомъ, какого искали, тѣмъ болѣе, что и прежде видѣли, какую *ревность большую имѣлъ онъ по Бозѣ* и не стыдился говорить правду царю и не боялся обличать сильныхъ (275). И потому молиша протопопъ Стефанъ

и Ѳедоръ благочестиваго царя, да будетъ Іоаннъ въ Москвѣ; и да поставленъ будетъ протопопомъ при церкви Казанской Пресв. Богородицы. Благочестивый государь склонился на просьбу своихъ ближнихъ и въ свою очередь просилъ о томъ же патріарха Іосифа; и такимъ образомъ, іерей Іоаннъ былъ поставленъ протопопомъ къ церкви во имя иконы Казанскія Богородицы, что на Красной площади. Это было въ 1640 г. Житіе сказываетъ, что іерей Іоаннъ, аще и не хотяше оставити церкви, яже въ Нижнемъ Новгородѣ и *плакаше зѣло*; обаче и царева повелѣнія, паче же самого Бога воли преслушати немогій, пріять санъ протопопства, рекъ: воля Господня да будетъ! (276). Так. обр. заурядный іерей, пристроившійся въ г. Нижнемъ своевольно въ захолустной опустѣлой церкви, неимѣвшій къ себѣ никакого сочувствія ни отъ духовенства, ни отъ гражданскихъ властей—вдругъ возводится на очень видное мѣсто въ протопопы въ Москву, по желанію самыхъ видныхъ и близкихъ лицъ къ царю—духовника Вонифатьева и постельничаго Ртищева. Находясь въ Москвѣ вблизи всѣхъ властей, онъ могъ и въ Нижнемъ Новгородѣ устроить свои дѣла, какъ ему хотѣлось. И дѣйствительно, оставался у о. Неронова въ Нижнемъ преданный ему всею душею ученикъ его діаконъ Гавріилъ: вотъ онъ выписалъ этого діакона въ Москву—и рѣшилъ вмѣсто себя поставить его во іерея въ Нижній Новгородъ къ Воскресенской церкви. Мысль свою сообщилъ Вонифатьеву—и по просьбѣ ихъ патріархъ поставилъ Гавріила въ іерея. Устроивъ свои дѣла въ Нижнемъ, о. протопопъ Нероновъ со всѣмъ усердіемъ принялся за дѣятельное служеніе на новомъ мѣстѣ, чтобы, съ одной стороны, оправдать собою выборъ

царскихъ близкихъ, а съ другой, зарекомендовать себя и у царя на будущее время. И надобно отдать справедливость Неронову: онъ сталъ трудиться со всѣмъ усердіемъ, если вѣрить житію его. „*Изыде стѣяй стѣяти стѣмене своего!*“ Такъ оно начинается службу протопопа Іоанна въ Москвѣ. Началось со слезами благовѣстіе слова Божія по книгѣ Златоуста, а въ богослуженіи ввелось единоголасное чинное пѣніе и чтеніе, а съ вечера на воскресенья и праздничные дни стали совершаться всенощныя бдѣнія. Народъ собирался въ Казанскую церковь въ такомъ множествѣ, что и на папертяхъ церковныхъ не было свободнаго мѣста; нерѣдко и самъ царь съ царицей и дѣтьми приходили слушать проповѣди Іоанновы. Кромѣ поученій, протопопъ Іоаннъ принималъ къ себѣ странниковъ и больныхъ — и самъ во главѣ всѣхъ подавалъ имъ помощь. Духовникъ царскій радовался, что Богъ послалъ ему такого учителя церкви. Пять лѣтъ такъ трудился о. Нероновъ — тихо, безъ особенныхъ обстоятельствъ къ его прославленію.

Тогда при патриархѣ Іосифѣ началось исправленіе богослужебныхъ книгъ. На первыхъ порахъ это исправленіе производилось чрезъ сличеніе съ славянскими списками и на основаніи собственныхъ соображеній справщиковъ. Послѣдніе набраны были по преимуществу изъ Московскаго духовенства, недостаточно образованнаго и мало пригоднаго для такого дѣла. При такихъ справщикахъ немаловажное вліяніе въ дѣлѣ церковныхъ исправленій получилъ и царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, а чрезъ него и Нероновъ. Конечно, подобный составъ справщиковъ не обезпечивалъ успѣха дѣлу; исправленіе книгъ шло плохо, неумѣло, — ошибокъ въ книгахъ

не убавлялось: да иначе и быть не могло, п. ч. книги славянскія исправлялись славянскими же книгами, исполненными такихъ же ошибокъ. Видѣлъ это болѣе другихъ свѣдущій человекъ Ртищевъ и понималъ, что основательнаго исправленія книгъ безъ знанія греческаго языка быть не можетъ; почему онъ, съ согласія Царя, въ 1649 г. выписалъ изъ Кіева до 30 человекъ ученыхъ и завелъ училище, въ которомъ преподавались языки: славянскій и греческій, реторика и философія. Эти ученые стали исправлять и библию по греческому тексту. Прежніе справщики самоучки остались въ сторонѣ. Исправляя книги, кіевскіе ученые увидѣли множество ошибокъ и неправильностей, допущенныхъ прежними справщиками, а эти, въ свою очередь, не имѣя по невѣжеству своему въ рукахъ правильной защиты, отстаивали свое невѣжество только давностію священныхъ и богослужебныхъ книгъ съ ихъ ошибками, а главное набросились со всею злостію на ученыхъ иноковъ, стараясь уничтожить ихъ авторитетъ, называя ихъ самихъ неправославными, какъ учившихся въ іезуитскихъ школахъ, а исправленіе книгъ съ греческаго языка представляли чуть не еретическимъ, — такъ какъ языкъ этотъ находится въ употребленіи грековъ, подпавшихъ подъ власть турокъ и несоблюдавшихъ добрыхъ нравовъ и не твердыхъ въ вѣрѣ. Но какъ бы то ни было, не смотря на препирательство враждующей партіи, кіевскіе ученые исправили при Іосифѣ Служебникѣ и пріостановили изданіе Кормчей, неправильно исправленной прежними справщиками. Какъ ни усиливались прежніе справщики занять прежнее положеніе по исправленію книгъ, это не удалось имъ, и ихъ престижъ пошатнулся во мнѣніи понимающихъ лицъ. Они же,

по своему самолюбію и невѣжественному упрямству, только оттачивали старыя орудія для борьбы. Быть можетъ, при Іосифѣ они и надѣялись помощію разныхъ интригъ возвратить себѣ прежнее первенство, но Господь не допустилъ сбыться ихъ надеждамъ. Патріархъ Іосифъ померъ, на престолъ патріаршій вступилъ митрополитъ Никонъ изъ Новгорода. Этотъ повелѣ дѣло исправленія книгъ съ полною энергіею и усиленною дѣятельностію: тогда пришелъ конецъ надеждамъ прежнихъ справщиковъ. Обстоятельства круто измѣнились, и о. Іоаннъ Нероновъ вмѣстѣ съ другими оказался въ сторонѣ того просвѣтительнаго движенія, которое сосредоточилось вокругъ Никона. Скрывая свою печаль, онъ испрашиваетъ у Никона благословеніе побывать на родинѣ своей въ городѣ Вологдѣ, гдѣ близъ города въ пустынѣ на Лому на рѣкѣ Сарѣ, неизвѣстно кѣмъ и когда обрѣтены были мощи нѣкоего инока Игнатія. О. Іоаннъ призналъ эти мощи святыми и больше знать не хотѣлъ никакой канонизаціи. Вѣра въ его святость въ извѣстномъ кругѣ его знакомыхъ была безусловная. Плещеевы напр. величали его равноапостольнымъ, а его другъ по расколу Θεоктистъ — мужемъ желаній духовныхъ, подобномъ ангелу (Знам. 243). „И поживе, сказано въ житіи, въ этой пустыни дни многи“, распорядился какъ обнести пустыню оградой, построить въ ней каменную церковь, поставивъ къ этому строенію особыхъ приставниковъ, далъ имъ надлежащую сумму денегъ и отправился въ Москву.

Между тѣмъ въ Москвѣ новыми учеными справщиками исправленіе книгъ шло безостановочно, какъ равно и печатаніе исправленныхъ книгъ. Въ 1653 г., т. е. быть можетъ въ отсутствіе Неро-

ново въ пустынѣ, къ прїѣзду его въ Москву вышелъ патріаршій указъ о поклонахъ, употребляемыхъ въ Св. Четырдесятницу при молитвѣ: Господи и Владыко живота... Указомъ повелѣвалось произносить молитву въ 1-й разъ съ тремя великими поклонами,—послѣ нихъ класть 12-ть малыхъ поклоновъ, а потомъ произносить молитву, и въ концѣ ея класть одинъ великій поклонъ. Прежніе справщики, преслѣдуя одну обрядность, допустили дѣлать всѣ поклоны въ этой молитвѣ великіе. Отъ патріаршаго указа Павелъ епископъ Коломенскій, Аввакумъ, Логинъ и Даніилъ пришли въ ужасъ, а о. Іоаннъ Нероновъ затворился въ кельѣ Чудова монастыря на первой недѣлѣ Великаго поста, когда въ церквахъ читается эта молитва,—и молился; и вотъ, сказываетъ самъ Нероновъ: отъ Сласова образа изшелъ гласъ: *„Іоанне! дерзай и не убойся до смерти: подобаетъ ти укрѣпити царя о имени моемъ, да не постраждетъ днесь Русія, якоже и юноты* (99—100). Изъ кельи Нероновъ ходилъ укрѣплять царя и жаловался на Никона, а его друзья — защитники мнимой старины ходили на печатный дворъ и ругались съ справщиками, выставляя себя ревнителями православія, служили по старымъ книгамъ, выполняли двуперстіе, земные поклоны и двойную аллилуія. Начались аресты, ссылка непослушныхъ въ отдаленные монастыри. Раскольники распалили темныя массы гласами отъ образовъ и выставляли себя мучениками за вѣру, и народъ видѣлъ, какъ этихъ мучениковъ везли въ простыхъ телѣгахъ со связанными руками и съ цѣпами на шеѣ. Когда же Логинъ, Муромскій протопопъ, былъ схваченъ и отданъ жестокому приставу, тогда Нероновъ имѣлъ личное дерзкое объясненіе съ па-

тріархомъ Никономъ. При этомъ объясненіи онъ совершенно забылъ, что говоритъ съ патріархомъ; предъ нимъ патріархъ стоялъ какъ будто преступникъ, обвиненія сыпались градомъ и прямо называлъ патріарха лжецомъ. Послѣ этого Нероновъ сосланъ былъ Никономъ сперва въ Новоспасскій монастырь, а потомъ въ Симоновъ. Отсюда онъ послалъ царю жалобу, что ему въ церковь Божию ходить не велѣно, никого не пускаютъ къ нему, даже изъ своихъ, что наконецъ повезли его въ соборную церковь, сняли съ него скуфью, заковали и опредѣлили сослать на Кубенское озеро въ Спасо-каменный монастырь подъ крѣпкое начало. Царю, конечно, объяснилъ патріархъ всю дерзость и извѣты Неронова; составился мѣстный соборъ подъ предсѣдательствомъ патріарха Никона въ 1653 г. августа 1-го, и ссылка его состоялась. Властямъ, съ которыми Нероновъ долженъ былъ встрѣтиться, писано: „за великое безчиніе быть ему въ черныхъ работахъ“. И вотъ съ этихъ поръ почти до самой смерти Неронова жизнь его представляетъ своего рода волнующееся море, колебавшее тишину церкви православной, жизнь, исполненную разныхъ злоключеній. Архимандритъ Спасо-каменнаго монастыря принялъ Неронова, какъ страдальца, очень милостиво и старался доставлять ему всякое успокоеніе. Въ указѣ предписывалось *быть ему въ хлѣбнѣ и мукѣ сѣять*; но жить ему очень было привольно: и обѣды для него были обильныя, и квасы хорошіе, и прислуга къ его услугамъ, такъ что самъ Нероновъ говорилъ: *такого строя я и въ дому своемъ не заводилъ*“. Но онъ не любилъ оставаться въ тѣни, любилъ любоначаліе: онъ сталъ исправлять недостатки, вкравшіеся въ монастырскомъ богослуженіи,

сталъ вычитывать все по уставу, служба стала длинная, къ которой не привыкла братія. Замѣчанія дѣлалъ онъ, какъ власть имущій, съ нещаднымъ обличеніемъ, такъ что съ своимъ обличительнымъ и дерзкимъ характеромъ онъ мѣсяцевъ чрезъ шесть крайне надоѣлъ и братіи, и самому архимандриту, своему благодѣтелю.

Не смотря на хорошее житіе вначалѣ въ Спасо-каменномъ, Нероновъ чувствовалъ себя какъ пронзенный стрѣлою звѣрь, запертый притомъ въ клѣткѣ. Лишась величія Московскаго, сосланный въ дальній монастырь, онъ не могъ примириться съ своей судьбой, почему и вель себя задорно въ отношеніи къ окружающей его братіи. Видя, что въ Москвѣ никто о немъ не вспоминаетъ, никому онъ сталъ не нуженъ, онъ рѣшилъ самъ напомнить о себѣ; и вотъ чрезъ 3 мѣсяца послѣ выѣзда изъ Москвы, 1654 г. Ноября 6-го, онъ пишетъ письмо царю и духовнику его Вонифатьеву о своихъ бѣдствіяхъ, какъ неповинный страдалецъ за вѣру православную, и о бѣдствіяхъ другихъ его друзей опальныхъ раскольниковъ; царю пишетъ, что если онъ не вступится за нихъ, не облегчитъ ихъ участи, то постигнетъ его гнѣвъ Божій и неудача въ тогдашней войнѣ съ Польшею. О борьбѣ же съ патриархомъ Никономъ онъ объясняетъ, что онъ вель ее по извѣщенію Божію, припоминая гласъ отъ иконы Спасовой. Не дожидаясь отвѣта на эти письма, нетерпѣливый старикъ (63 л.) въ томъ же году февраля 27-го пишетъ другое письмо царю объ исправленіи книгъ Никономъ, объясняя, что и безъ этого исправленія все было хорошо, а теперь колѣнное поклоненіе (см. выше указъ о поклонахъ) попирается, перстосложеніе старое отмѣняется и

вводится новое. Для приданія же письму большаго вѣса и эффекта толкуеть, что нынѣшнее мятежное время знаменуетъ явленіе антихриста. На патріарха Никона писалъ извѣтъ, что *онъ-де и твое величество осуждалъ и ругалъ, а я-де не стерпѣлъ тоя мерзости и попреки предъ нимъ глаголахъ за твое величество, да невысоко парить, яко орелъ...*, что онъ отъ патріарха разрѣшенія не ищетъ (?) потому-де, что и онъ состоитъ подъ началомъ у Христа,—а упованіе все возлагаетъ на Спаса І. Христа. Духовникъ Вонифатьевъ два раза писалъ Неронову, уговаривалъ его оставить свое упорство, извѣщая въ то же время, что патріархъ готовъ примириться съ нимъ. Но старикъ отвергъ примиреніе. „Не стужай намъ, дѣло наченшимъ; азъ орю и добрѣ землю дѣлаю; а что патріархъ ожидаетъ отъ насъ прощенія и покаянія—долженъ убо есть и самъ просити отъ насъ прощенія и къ Богу приносить покаяніе, зане туне меня оскорби“.

Письма Неронова и жалобы на Никона возмутили царя, и онъ чрезъ духовника своего Вонифатьева велѣлъ ему замолчать. Царь еще любилъ Никона и уважалъ его и Неронову не разрѣшилъ постриженія въ монашество, котораго онъ просилъ въ письмѣ помимо Никона, считая это церковнымъ дѣломъ.

О. Нероновъ, получивъ запрещеніе царя писать ему, не смутился; онъ сталъ подходить къ царю съ другой стороны. Того же 1654 г. мая 2-го онъ рѣшился написать письмо царицѣ — Марьѣ Ильинишнѣ о своихъ и любезныхъ друзей своихъ неповинныхъ страданіяхъ съ слезною просьбою умолить царя о возвращеніи всѣхъ ихъ изъ ссылки опять въ Москву. Интересно въ этомъ письмѣ то, что

въ немъ Нероновъ въ первый разъ упоминаетъ свое имя, данное при крещеніи, и пишетъ: „юзникъ о Христвъ, Казанскій протопопъ *Гаврииль*, рекомый *Іоаннъ*“. Тогда же писалъ Нероновъ и духовнику Вонифатьеву. Въ письмѣ этомъ онъ съ желчію подробно описалъ бѣдствія отъ Никона, бывшія для него самого и друзей его. Въ письмѣ этомъ Нероновъ не пощадилъ и самого царя, запретившаго ему писать: „Благочестивый Государь аще и писати впредь намъ къ нему не повелѣваетъ, написати ему будетъ Богъ ни черниломъ ни хартією, но духомъ и истинною“ (87). Не смотря на грубый и злостный тонъ письма, въ отношеніи къ царю и патріарху, рекомый Іоаннъ Нероновъ проситъ Вонифатьева *сіе писаніе* со вниманіемъ прочесть многажды царю.

Между тѣмъ, живя въ Спасокаменномъ монастырѣ, о. Нероновъ подначальный не переставалъ наносить оскорбленія архимандриту и братіи съ своими замѣчаніями и обличеніями, какъ будто приставленный къ монастырю для надзора за нимъ; всѣ возненавидѣли его и вынудили архимандрита и братію написать на Неронова въ Москву жалобу, что отъ него никому житья нѣтъ, что распоряжается онъ въ монастырѣ, какъ настоятель, не признавая власти дѣйствительнаго настоятеля. Вслѣдствіе этой жалобы его сослали въ заточеніе въ Кандаджскій монастырь на отокъ (островъ) океана моря. Съ радостью развязалась братія Спасокаменнаго монастыря съ Нероновымъ и вздохнула свободнѣе. При ненависти къ нему его, конечно, какъ можно скорѣе выпроводили изъ монастыря, такъ что Неронову некогда было никому написать о своей скорби. Путь лежалъ ему чрезъ Вологду. Сопровождать его пріѣзжали друзья

его изъ Мурома Логинъ, Теокистъ и другія преданные ему лица. Отсюда 13 іюля (1654 г.) онъ писалъ къ духовнику Вонифатьеву, какъ единственному по-прежнему дружбѣ челоуѣку, къ которому могъ писать. Въ письмѣ этомъ видна отчаянная скорбь, и чтобы обратить на нее вниманіе, называетъ Вонифатьева самыми любезными именами: о любезный мой и драгій юзнице, священная воистинну главо, протопопе Стефане. Далѣе приводитъ примѣры святыхъ св. Θεодора Студита, св. Златоуста, Аѳанасія Великаго, изгнанныхъ со своихъ кафедръ, страдавшихъ за истину, но получившихъ прежнюю честь отъ вѣрныхъ и невѣрныхъ царей, — съ ними сравниваетъ онъ свое бѣдственное положеніе и находитъ его хуже ихъ, п. ч. *невѣрные цари* управу давали, а нынѣ гласъ вопіющихъ не услышанъ (99). Затѣмъ рассказываетъ бывшее ему откровеніе отъ иконы Спасителя, повелѣвающаго ему дѣйствовать такъ, какъ онъ доселѣ дѣйствовалъ, и о чудѣ, бывшемъ съ епископомъ Павломъ, какъ отъ его страданій за истину бездушная тварь разсѣдся, какъ при Христовѣ распятіи раздрася завѣса церковная. Сказуетъ и хотящій быти гнѣвъ Божій за презрѣніе вопля его и за оскорбляемыхъ рабовъ, проповѣдующихъ истину (137). Въ заключеніе проситъ возвѣстити царю болѣзнь сердца своего: *внимай, государь, полно спать* (104), и утверждаетъ, что если онъ будетъ молчать, то и ему грозитъ гнѣвомъ Божиимъ: глаголю всѣмъ на Москвѣ и на всѣхъ мѣстѣхъ—за молчаніе всѣмъ злѣ пострадати (107). Но это письмо никакихъ добрыхъ послѣдствій для Неронова не имѣло. Въ Вологдѣ онъ ходилъ въ церковь, и вотъ однажды по окончаніи обѣдни обратился къ народу съ поученіемъ, въ которомъ изъ-

яснилъ, что завелись-де на Руси новыя ереси, что православныхъ христіанъ, которые содержатъ отеческія преданія, мучатъ и въ дальнія страны заточаютъ,— а о патріархѣ Никонѣ сказалъ, что ему Государь далъ волю, но что онъ и самъ скоро изъ Москвы выскочитъ. Нероновъ пріобрѣлъ навѣкъ, какъ обращаться съ темнымъ народомъ, чтобы подѣйствовать на него. Это увлеченіе народа сдѣлалось извѣстнымъ дьяку съѣзжей избы, который во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій, постарался поскорѣе выпроводить Неронова изъ Вологды. Изъ Вологды же Нероновъ успѣлъ написать посланіе ко всѣмъ боголюбцамъ гор. Москвы и прочихъ городовъ и всѣхъ странъ. Содержаніе посланія состояло изъ излюбленныхъ имъ темъ, о приближеніи временъ Антихриста, изъ упоминанія о себѣ, что онъ юзникъ о Христѣ, страдалецъ, неволею влекомъ въ дальнія страны, и что пишетъ посланіе сіе во утвержденіе ихъ, да не кто въ васъ словопреніемъ прельщая будетъ (121) и проситъ ихъ блюстися злыхъ дѣятелей (122), разумѣя, конечно, патріарха Никона и другихъ исправителей богослужебныхъ книгъ.

Въ Кандаджскомъ монастырѣ Нероновъ попалъ подъ крѣпкій затворъ: его держали на цѣпи и въ желѣзахъ, не пускали къ нему никого и не давали писать. Годъ прошелъ въ этой суровой ссылкѣ. Хвалившійся, что онъ съ радостію переноситъ страданія за Христа, слышавшій ободреніе въ страданіяхъ отъ Спасова образа, не видя облегченія своей участи, наконецъ, прибѣгнулъ къ очень мірской мѣрѣ, — рѣшился онъ на побѣгъ изъ монастыря. Подговоровъ для того троихъ, особенно преданныхъ ему духовныхъ дѣтей, онъ убѣждалъ съ ними изъ монастыря и, дошедши до моря, пустился на маломъ баркасѣ

въ открытое море. Двѣ погони были посланы за бѣглецами, но не догнали ихъ и возвратились назадъ. Много бѣдъ испытали они, странствуя по бурному морю; однако, какъ пишется въ житіи (139), молитвами избранника Божія Неронова наконецъ возсіяло солнце, утихло море, а въ малой лодкѣ и воды не оказалось; они благополучно приплыли къ Кемскому устью, гдѣ нашли лодку и старца Соловецкаго, возвращающагося съ промысла; съ нимъ благополучно прибыли въ Соловецкій монастырь. Архимандритъ монастыря Илія, знавшій и прежде Неронова и самъ державшійся раскола (141), очень благосклонно принялъ его, держалъ его нѣкоторое время у себя и снабдилъ о. Неронова всѣмъ нужнымъ для пути его къ Москвѣ.

Патріархъ Никонъ, узнавъ о бѣгствѣ Неронова изъ Кандаджскаго монастыря, разослалъ повсюду грамоты о сыску Неронова, и за некрѣпкій за нимъ надзоръ архимандриту Кандаджскаго монастыря и братіи запретилъ причащеніе Св. Таинъ, а архимандрита Соловецкаго монастыря за ласковый приемъ бѣглеца отставилъ отъ службы. О. Нероновъ изъ Соловецкаго монастыря благополучно достигъ города Архангельска, и оттуда, по сказанію житія, хождаше Іоаннъ изъ града въ градъ и пребываше у Христомольцевъ, боящихся Бога. Дорога изъ Архангельска шла на Переславль, и житіе сказываетъ, что о. Іоаннъ прииде въ градъ Переславль-Залѣсскій въ обитель преподобнаго Даніила къ своему единомышленнику архимандриту Тихону (284—285) и жилъ у него нѣкоторое время тайно. Такъ какъ у Неронова давно была мысль о принятіи монашества, и духовникъ Вонифатьевъ поддерживалъ ее, то, переговоривши объ этомъ съ архимандритомъ

Тихономъ, и въ то же время безъ письма Вонифатьева боясь совершить постриженіе, о. Нероновъ отправился въ Москву къ Вонифатьеву и жилъ у него нѣкоторое время тайно отъ патріарха. Здѣсь у нихъ и созрѣлъ планъ постриженія о. Іоанна Неронова. Въ Москвѣ, такъ сказать на глазахъ у Никона, совершить его было опасно; надобно было подыскать другое мѣсто, подальше отъ Москвы. Нероновъ безъ сомнѣнія самъ указалъ Вонифатьеву, какъ на лучшее и безопасное мѣсто — Даниловъ монастырь въ Переславль-Залѣскомъ.

Вонифатьевъ одобрилъ этотъ выборъ и написалъ отъ себя письмо архимандриту Тихону (143). Такъ и совершилось постриженіе Нероново съ именемъ Григорія въ Даниловомъ монастырѣ отъ архимандрита Тихона 25 октября 1656 года. Нероновъ имѣетъ теперь три имени: данное при крещеніи *Гавріиль*, данное родителями *Іоаннъ* и монашеское *Григорій*.

Для чего Вонифатьевъ совѣтовалъ Неронову принять иночество? прямого отвѣта нѣтъ въ документахъ; но у него могла быть въ 1-хъ та мысль, что Нероновъ, принявъ образъ монашескаго смиренія и послушанія, будетъ смиреннѣе вести себя и послушнѣе властямъ церковнымъ,—въ 2-хъ, принявъ во вниманіе, что появленіе Неронова въ Москвѣ узнаетъ патріархъ, вотъ онъ и рассчитывалъ, что и самъ патріархъ будетъ снисходительнѣе, когда узнаетъ, что онъ принялъ иночество по чину православному и признаетъ это за желаніе общенія его съ православною церковію, и тѣмъ болѣе, что онъ будетъ вѣдаться со старцемъ Григоріемъ, а не съ ненавистнымъ ему именемъ Иваномъ Нероновымъ.

Касательно времени и мѣста постриженія Не-

ронова въ иночество свѣдѣнія расходятся. У профессора Знаменскаго (въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1869 год. ч. 1) выходитъ, какъ будто Нероновъ принялъ монашество въ Москвѣ; но въ матеріалахъ для исторіи раскола, собранныхъ профессоромъ Субботинымъ, есть прямыя указанія на то, что Нероновъ принялъ монашество въ Переславль-Залѣскомъ отъ Даниловскаго архимандрита Тихона. Разница выходитъ въ монастыряхъ, въ которыхъ совершилось постриженіе и во времени его совершенія. Въ допросныхъ рѣчахъ отъ митрополита Сарскаго и Подонскаго Павла отъ 1665 г. августа 24-го дня на основаніи челобитья Неронова, онъ объявляется постриженникомъ Горицкаго монастыря, что въ Переславль (стр. 202), а въ запискѣ о жизни Неронова пишется, что постриженіе его было совершено 7164—1656, декабря 25-го въ Даниловѣ монастырѣ въ Переславль-Залѣскомъ въ соборной церкви, что постригаль его архимандритъ того монастыря Тихонъ (стр. 143). Въ житіи Неронова, писанномъ послѣ его смерти, тоже говорится, что архимандритъ Данилова монастыря Тихонъ принялъ бѣглаго изъ Кандаджскаго монастыря Неронова сокровеннѣ (тайно) и, конечно, тайно же постригъ его (285). Въ соборномъ дѣяніи 1656 года надъ Нероновымъ прямо утверждается (стр. 129), что онъ, Нероновъ, не испросивъ благословенія и не примирився святѣй церкви, пострижеся отъ своего единомысленника изъ Переславля отъ Даниловскаго архимандрита Тихона, имя себѣ нарекъ Григорій (130). А въ примѣчаніи подъ этимъ соборнымъ дѣяніемъ говорится, что постриженіе послѣдовало 25 октября 7164 года (127) т. е. 1656 года (считая начало года съ сентября мѣсяца). Итакъ, постриже-

ніе Нероново въ монахи было совершено въ Переславскомъ Даниловскомъ монастырѣ архимандритомъ того монастыря Тихономъ сокровенно 25-го октября. Что въ запискѣ о жизни Неронова говорится, что оно было 25-го декабря—это по всей вѣроятности опечатка. Постриженіе совершено сокровенно, и потому въ великій торжественный праздникъ Рождества Христова не могло быть. Тѣмъ болѣе не могло быть въ Горицкомъ монастырѣ: зачѣмъ Даниловскому архимандриту постригать въ чужомъ монастырѣ, когда это постриженіе совершалось тайно, безъ благословенія патріарха. Такимъ образомъ годъ, мѣсяць и число постриженія Неронова найдены ¹⁾. Въ новомъ иноческомъ чинѣ Нероновъ прибылъ въ Москву и жилъ у Вонифатьева 40 дней; отсюда ходилъ онъ навѣстить устроенную имъ Игнатьеву пустынь и повидаться съ своими родителями. Патріархъ Никонъ не переставалъ разыскивать Неронова, а друзья его укрывали его, яко зеницу ока (144). Между тѣмъ дерзкія письма Неронова къ царю и царицѣ о Никонѣ, котораго онъ знать не хотѣлъ, разныя смуты въ монастыряхъ, въ которые онъ былъ сосланъ, его проповѣданіе народу и словомъ и писаніемъ, наконецъ бѣгство его изъ Кандаджскаго монастыря—вынудили Никона составить на Неронова соборъ, тѣмъ болѣе возможный, что въ Москвѣ находились тогда Антиохійскій патріархъ Макарій и Никейскій митрополитъ Григорій. И соборъ состоялся въ 1656 году въ началѣ января. На немъ присутствовали два патріарха.

---

¹⁾ Время это согласно съ временемъ бѣгства Неронова изъ Кандаджскаго монастыря. Если бѣгство это совершилось 1655 года 10 августа, то 2 мѣсяцевъ до 25 октября 1656 года вполне достаточъ о для странствованія Неронова, т. е. до его постриженія.

Никонъ и Антиохійскій Макарій, 5 митрополитовъ, въ числѣ ихъ Никейскій Макарій, 4 архіепископа и 1 епископъ, 18 архимандритовъ, 10 игуменовъ, 8 протопоповъ ¹⁾ и много священниковъ и діаконовъ—итого 48 лицъ высшаго священнаго чина, кромѣ священниковъ и діаконовъ. Соборъ этотъ вспомнилъ мѣстный соборъ на Неронова, бывшій въ 1653 году, на которомъ онъ, Нероновъ, *надувся гордостію бѣсовскою, не восхотѣ о своихъ злыхъ вину принести, но еще вяище иную злобу яви, и св. соборъ укори и досадительными неправедными словеса свѣтѣйшаго патріарха Никона укори окаянный онъ, Иванъ, и непреподобный* (128), что за это безчиніе посланъ былъ въ монастырь на смиреніе; но онъ изъ монастыря убѣжалъ и, обходя монастыри тайно, яко Іуда возмущаетъ не утвержденны въ словѣ души; писалъ многая ложная и о великомъ государѣ царѣ, патріархѣ Никонѣ и о восточныхъ патріархахъ, отменяя греческаго православія и древнія св. греческія книги укори, наконецъ, не испросивъ благословенія и не примирився свѣтѣй церкви, постригся отъ своего единомысленника архимандрита Переславскаго Данилова монастыря Тихона. За эти вины соборъ постановилъ: Ивана Неронова протопопа, нынѣ Григорія, съ его единомысленниками отъ свѣтѣй церкви, яко гнилъ сосудъ, отсѣци и проклятію предати (124—131).

¹⁾ Духовника царскаго протопопа Стефана Вонифатьева на соборѣ не было. Патріархъ Никонъ, по всей вѣроятности, узналъ, что онъ укрываетъ у себя Неронова, отрѣшилъ его отъ мѣста, п. ч. изъ списка протопоповъ, подписавшихся подъ соборными опредѣленіями, усматривается, что всѣ придворныя церкви имѣли протопоповъ съ другими именами. Архимандритъ Тихонъ, укрывавшій Неронова и постригавшій его въ монашество, послѣ собора, даже раньше—въ 1655 году, тоже долженъ былъ лишиться настоятельства въ Даниловомъ монастырѣ. Въ моемъ описаніи Данилова монастыря время управленія его монастыремъ 1652—1660 и у Строева съ 1651 по 1658 годъ—неправильно.

Нероновъ, конечно, узналъ отъ своихъ, пріятелей, напр. отъ Вонифатьева о состоявшемся опредѣленіи собора, и сообразивъ, что его странническая жизнь, соединенная съ опасностями попасться въ руки сыщиковъ отъ Никона, непременно огкроется, рѣшилъ самъ явиться въ Москву и представиться Никону. Къ этому побудило его и то, что за укрывательство его многіе тяжело страдали.

Принявъ монашество, Нероновъ не измѣнилъ себя: это былъ тотъ же волкъ, только въ овечьей кожѣ, тѣ же змѣиные уста и ядовитый языкъ остались при немъ и по принятіи иночества. Все это ясно видно изъ его свиданія съ патріархомъ Никономъ. Въ 1657 году января 4 дня Нероновъ пришелъ на патріаршій дворъ и стоялъ у крестовой церкви. Патріархъ Никонъ шелъ изъ своихъ палатъ къ литургіи. Нероновъ въ образѣ смиреннаго инока поклонился ему; патріархъ спросилъ его: что ты за старецъ?—„Я тотъ, котораго ты ищешь—прежній Казанскій протопопъ Іоаннъ, нынѣ же во иноцѣхъ старецъ Григорій“. Патріархъ пошелъ въ церковь; Нероновъ шелъ за нимъ и говорилъ: „что ты одинъ ни затѣваешь, то дѣло не крѣпко; по тебѣ другой патріархъ—будетъ передѣлывать все твое дѣло, и тогда будетъ тебѣ иная честь, святой владыко“. Надобно удивляться терпѣнію и благодушію Никона: онъ ничего не сказалъ на дерзкія слова и вошелъ въ церковь. Литургія кончилась. Нероновъ опять сталъ на глазахъ патріарха, который велѣлъ ему идти въ Крестовую. Здѣсь послѣ молитвы всѣ воздали благодареніе Богу и надлежащее поклоненіе патріарху; поклонился и Нероновъ, и сталъ говорить патріарху: „что ты, святитель, по-

велѣлъ искать меня по всему Россійскому государству и изъ-за меня многихъ лицъ муками обложилъ, съ женами и дѣтьми разлучилъ, а нѣкоторые изъ нихъ въ темницахъ умерли,—и что за вина моя, ради которой такъ усердно ищешь меня? Вотъ я предъ тобой; дѣлай со мной, что хочешь; вселенскимъ патріархамъ я не противлюсь. Вотъ новопечатанная книга, въ которой велѣно креститься тремя перстами; если и они согласны въ томъ, и ты съ ихъ согласія напечаталъ, то и я не противлюсь, чтобы только это было истинно: подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ я быть нехочу“. Патріархъ ничего не сказалъ на эту смѣлую рѣчь, а Нероновъ, возбужденный молчаніемъ патріарха, сталъ яворить грубѣе: „какая тебѣ честь, владыко, что всѣмъ ты страшень, и другъ другу называютъ тебя зверемъ лютымъ: львомъ, медвѣдемъ и волкомъ!“ и много говорилъ другого—все въ этомъ же дерзкомъ тонѣ. Но патріарху, видимо, надоѣло возиться съ дерзкимъ человѣкомъ, который нанесъ ему столько огорченій и возмущеній противъ мира церковнаго,—который и въ монашескомъ чинѣ остался тѣмъ же неукротимымъ Иваномъ Нероновымъ. Ему дорого было, что Нероновъ примирился съ троеперстіемъ и готовъ былъ войти въ соединеніе съ восточными патріархами и съ православною церковію; почему Никонъ ничего не сказалъ на его грубыя рѣчи—и обошелся съ нимъ очень благодушно и милостиво: велѣлъ дать ему особую келью на Троицкомъ подворьѣ и озаботиться о томъ, чтобы нужды ему ни въ чемъ не было, присылалъ даже блюда своего стола, и дана была ему свобода ходить, куда угодно, и принимать кого бы то ни было и днемъ и ночью (153).

Великій Государь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ о примиреніи Неронова съ патріархомъ, былъ очень радъ этому. Черезъ два дня самъ патріархъ совершалъ обрядъ присоединенія старца Григорія Неронова къ православной церкви. Неугомонный инокъ не могъ смирить себя и во время присоединенія. Когда патріархъ спросилъ его: „пріобщаеши ли святыи, соборныи и апостольской церкви?“ Инокъ Григорій отвѣчалъ: „не понимаю, что говоришь, — да и раздора церковнаго ни съ кѣмъ не имѣю; Святую Троицу—Отца и Сына и Св. Духа въ Троицѣ единаго Бога исповѣдую и славлю единосущно и нераздѣльно, и несмѣсно. А что ты на меня клятву положилъ своею дерзостію, то сдѣлалъ по страсти своей, гнѣваясь“. Многое другое дерзкое, не относящееся къ данной минутѣ, говорилъ Нероновъ патріарху; но патріархъ выказалъ крайнее терпѣніе къ расхочившемуся грѣшнику и со слезами продолжалъ разрѣшительныя молитвы. Послѣ присоединенія патріархъ самъ причастилъ инока Григорія Св. Таинъ, а по окончаніи обряда присоединенія устроилъ и обѣдъ въ знакъ мира, разрѣшилъ всѣхъ узниковъ раскольниковъ по просьбѣ Неронова и отдалъ ему всѣ письма его, которыя онъ въ различное время писалъ царю и духовнику Вонифатьеву, и другимъ духовнымъ лицамъ.

Благоразуміе каждаго смертнаго требовало бы дорожить и пользоваться благодѣяніями мира. Неронову со стороны Никона сдѣлано все возможное и оказано всякое вниманіе, чего онъ не заслуживалъ. Но онъ какъ будто сожалѣлъ, что не отвергъ совсѣмъ примиренія и далъ Никону право присоединить себя къ церкви. Января 12 въ день именинъ царевны Татіаны Михайловны были

у всенощной царь и патриархъ; былъ тамъ же инокъ Григорій; патриархъ стоялъ въ алтарѣ. Царь, увидѣвъ Неронова, сошелъ съ своего царскаго мѣста и подошедши къ нему сказалъ ему милостиво: „не удаляйся отъ насъ, старецъ Григорій?“ Въмѣсто благодарнаго чувства за такое великое снисхожденіе къ нему царя, Нероновъ не постыдился въ церкви сказать: „Долго ли, Государь, терпѣть тебѣ такого врага Божія (разумѣя Никона)? Смutilъ онъ всю русскую землю и твою царскую честь попраля; не слышно твоей власти, его одного врага боятся всѣ“. Царь тотчасъ же отошелъ отъ этого неукротимаго старика, не сказавъ ни слова. По окончаніи службы, Нероновъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ смиренно къ патриарху и выпросилъ себѣ отпускъ — побывать въ устроенной имъ Игнатъевой пустыни (что на Лому на р. Сарѣ). Патриархъ милостиво отпустилъ его.

Патриархъ не переставалъ оказывать иноку Григорію благодѣянія, каждый день посылалъ ему пищу со своего стола, а тотъ въ свою очередь не переставалъ грубить ему. Особенно много Нероновъ наговорилъ дерзкаго патриарху, когда услышалъ, что въ церкви поютъ аллилуія трижды и потомъ, въ знаменіе единства лицъ Св. Троицы, припѣваютъ: Слава Тебѣ Боже. По раскольничьему катихизису нужно де пѣть 2-жды аллилуія, и потомъ—слава Тебѣ Боже. Хотя инокъ Григорій и присоединился къ православію и выразилъ желаніе быть въ союзѣ съ восточными патриархами, но слѣпая привязанность къ старинѣ такъ впила въ него, что онъ съ досады опять ушелъ въ устроенную имъ Игнатъеву пустыню, которая стояла безъ службы за немѣніемъ священниковъ. Здѣсь на свободѣ оплаки-

валъ онъ исправленія старыхъ книгъ—и рѣшился выдти на защиту ихъ.

Между тѣмъ въ 1658 году іюля 10 Никонъ по неудовольствію съ царемъ отказался отъ своего сана и уѣхалъ изъ Москвы въ свой Воскресенскій монастырь. По отъѣздѣ Никона изъ Москвы, у Неронова воскресла и прежняя злоба противъ Никона, и прежнія раскольническія мнѣнія противъ новшества. Бывшее примиреніе Неронова съ Никономъ и церковію было лицемерное. Чтобы выставить свой авторитетъ въ раскольническихъ мнѣніяхъ, онъ рѣшилъ поставить во главу ихъ измышленное имъ явленіе ему Спасителя.

Въ 1659 году января въ 6-й день былъ онъ въ Москвѣ; въ домѣ своего сына Теофилакта—и здѣсь будто явился ему Сынъ Божій съ двумя свѣтлыми юношами и говорилъ ему: „Григорій, почто не исповѣда, яже видѣ тайны, но скрывая таиши благодать мою?“ (т. е. ему, запрещенному, служить по чину—и служить по древнимъ книгамъ). И обратившись къ юношамъ сказалъ: возьмите его и бейте. И били его двумя дубцами, а по окончаніи біенія Христосъ сказалъ: иди къ митрополиту Питириму и возвѣсти ему вся (стр. 165—66). Онъ пошелъ тотчасъ же къ митрополиту Питириму, рассказалъ о видѣніи и очень желалъ показать ему раны отъ дубцовъ. Но митрополитъ не сталъ свидѣтельствовать его раны и, чтобы скорѣе отвязаться отъ него, сказалъ; вѣрую, отче: мощень бо Господь творити преславная.

Старець Григорій не смутился невниманіемъ митрополита къ рассказанному имъ чудесному видѣнію. Послѣ ухода изъ Москвы Никона, онъ почувствовалъ просторъ своей дѣятельности и принялся опять

за челобитныя царю. Въ 1660 году онъ пишетъ челобитную царю о скорѣйшемъ избраніи патріарха вмѣсто Никона. „Вотъ, пишетъ онъ, уже 2 лѣта прошло и болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ церковь вдовствуетъ, не имѣя жениха съ тѣхъ поръ, какъ архіерей (т. е. Никонъ) съ клятвою отрекся отъ нея, а правила Св. отецъ не позволяютъ вдовствовать болѣе трехъ мѣсяцевъ (Всел. 4 пр. 25), а отрекшагося имени епископскаго и отъ сана извреци повелѣваютъ (Св. ап. пр. 62).“ Молитъ Государя избрать вмѣсто Никона, да не привлечетъ онъ на все государство праведнаго отъ Бога гнѣва, за тѣмъ не стыдится учить царя, какихъ качествъ слѣдуетъ избирать въ патріархи: —не славныхъ и честь вѣка сего любящихъ благоволи, Государь, избрати; но смиренныхъ и кроткихъ; проситъ дать учителя, да умѣетъ псалтырь, да разумѣетъ все еже чтеть, не просто, но со испытаніемъ, священ. правила, евангеліе, апостольскія книги и все божественное. Въ концѣ челобитной молитъ царя: скоро благоразсуди о церкви Божіей и тогда подручныя твои многихъ скорбей освободятся и въ веселіи и радости прославятъ въ Троицѣ славимаго Бога. Въ этомъ желаніи и заключается вся суть многорѣчиваго челобитья. Нероновъ вѣрилъ, что если вмѣсто Никона поставится другой кроткій патріархъ, то онъ освободитъ всѣхъ раскольниковъ ссыльныхъ и дастъ имъ свободу. Но царь, какъ и слѣдовало ожидать, не послушалъ чернеца Григорія, бывшаго и въ ссылкѣ, и подъ клятвою соборною, а рѣшилъ по совѣту Паисія Лигорида, митрополита Газскаго, передать дѣло о Никонѣ на судъ восточныхъ патріарховъ.

Чернецу Григорію очень не хотѣлось, чтобы Никона судили восточные патріархи, потому что

троеперстіе, уставъ о поклонахъ въ Св. 40-цу и исправленіе церковныхъ книгъ установились съ согласія восточныхъ патріарховъ: его вождельнія, что послѣ Никона пойдетъ все по старому въ будущемъ разбивались въ прахъ. Ему хотѣлось, чтобы Никонъ судимъ былъ судомъ русскихъ архипастырей, тѣмъ болѣе, что митрополитъ Крутицкій Питиримъ, правившій церковію послѣ Никона, былъ противъ него. Очень досадно было Неронову, что по уходѣ изъ Москвы, Никонъ помѣстился въ устроенномъ имъ Воскресенскомъ монастырѣ и служилъ въ немъ, какъ патріархъ, и дѣйствовалъ по архіерейски. А изъ того, что царь Алексѣй Михайловичъ безъ суда надъ нимъ восточныхъ патріарховъ не отставлялъ его отъ кафедры Московской, въ воображеніи его представлялся возможнымъ возвратъ Никона въ Москву на патріаршую кафедру, чего Нероновъ боялся хуже огня. Вотъ по этимъ-то побужденіямъ Нероновъ обратился къ царю съ другимъ челобитьемъ. Всѣ волнующія Неронова мысли и изложены имъ въ этомъ челобитьи. Это не что иное, какъ злая брань на Никона, въ которой неудержимо изливаются ругательныя слова. Это не что иное, какъ памфлетъ, за который нынѣ заключаютъ въ тюрьму. Подъ видомъ ложнаго благочестія и заботы о водвореніи мира церкви, Нероновъ вопіетъ къ царю: что медлиши (т. е. избрать новаго патріарха), что сомнѣваешься и щадиши оставившаго Московскій патріаршій престолъ? т. е. Никона,—и клеймитъ его разными поносными именами: называетъ его не челоукомъ, но звѣремъ (188), что клятва Никона яко огонь злато чиститъ, а благословеніе его яко ржа желѣзо губитъ (188), уподобляетъ его, послѣ ухода изъ Москвы и архіерейская дѣйствующаго, псу, воз-

вращающемся на свою блевотину, подводитъ его подъ анаѣму и выписываетъ изъ отписокъ архіереевъ, отъ которыхъ требовались мнѣнія (это было 1662 год. март.) объ оставленіи Никономъ кафедры Московской, всѣ дурные отзывы о немъ, особенно тѣхъ архіереевъ, которые были недовольны Никономъ, — напр. одинъ изъ нихъ, Іона Ростовскій, сравниваетъ Никона съ Валаамомъ волхвомъ и сатаной, сверженнымъ съ неба за гордость, — что новыя книги Никона (по словамъ Вятскаго епископа Александра) суть мудрованія еретическія и блуженія, а митрополитъ Лигаридъ — всѣ затѣйки Никона нашелъ законопреступными и гнѣву Божію повинными, — и соборъ-де русскихъ архипастырей (бывшій 1660 год.) осудилъ Никона. Послѣ этого опять просить царя ускорить избраніе новаго патріарха — и не отдавать дѣло о Никонѣ на судъ восточныхъ патріарховъ, что его можетъ законно судить и судъ русскихъ іерарховъ. Въ заключеніе пишетъ: *воистинну, Христілюбивый царю, блаженъ имаша быти, въ роды и роды хранимъ, аще ево строенія монастыри отъ основанія разоришь, и прелестное его мудрованіе упразднишь.* И это челобитье Неронова, какъ и слѣдовало ожидать, осталось безъ послѣдствій. Тогда Нероновъ набросился на другихъ архіереевъ — и что прокого ни услышитъ отъ какихъ-нибудь прохожихъ, тотчасъ же доноситъ царю, не щадя даже тѣхъ, словами которыхъ пользовался въ осужденіи Никона въ своемъ челобитѣ. Такъ въ 1664 году ноября 11 были дознанія по извѣтамъ Неронова на митрополита Ростовскаго Іону, будто онъ со ставленниковъ беретъ 3 рубля 10 алтынъ; 2) на Симона Вологодскаго архіепископа, будто онъ съ одного діакона взялъ 20 алтынъ вмѣсто 10-ти, и будто онъ велѣлъ слу-

жить ему по старому служебнику, а не по новому, и много другихъ извѣтовъ. Но какъ всѣ эти извѣты оказались ложными по суду и не оправдавшимися, то и не сошло безнаказанно этому лаятелю: его сослали въ Вологду. Дорога шла на Переславль, и было приказано патриаршему боярскому сыну М. Онучину везти колодника Григорія Неронова въ Вологду чрезъ Переславль на подводѣ въ сопровожденіи 2-хъ верховыхъ и беречь его накрѣпко, чтобы онъ не убѣжалъ съ дороги а въ Вологдѣ представить его архимандриту Симону, чтобы онъ заключилъ его въ Спасскій монастырь, что на Лому. Но Нероновъ объявилъ, что въ Спасскомъ монастырѣ хотятъ его убить,—почему митрополитъ Павелъ Сарскій послалъ колодника въ Переславскій Горицкій монастырь. Вслѣдствіе этого послана была царская грамота архимандриту Горицкаго монастыря Сергію о задержаніи Неронова въ Горицкомъ монастырѣ до великаго Государя указа. Указъ не замедлилъ придти, потому что въ жалобѣ своей ко вселенскимъ патриархамъ упоминаетъ о новой обидѣ отъ Вологодскаго архимандрита Симона изъ за какого-то попа Сисоя, который говорилъ хульные слова на Спасителя І. Христа. Собиратель всякой лжи и грязи противъ православнаго духовенства, Нероновъ, услышавъ отъ какихъ-то прохожихъ, что попъ Сисой говорилъ хульные слова на Спасителя, тотчасъ же пишетъ о попѣ царю съ объясненіемъ, что архіерей поставилъ его жалобу ни во что, а его послалъ иодъ начало въ монастырь Спасоприлуцкій и велѣлъ держать въ чепи и желѣзахъ.

Какъ ни оказывались ложными и не заслуживающими вниманія всѣ извѣты Неронова, но доносъ

и о попѣ Сисоѣ надобно было обсуждать. Нероновъ, вѣроятно, былъ вызванъ въ это время въ Москву къ митрополиту Питириму. Дѣло, какъ и прежде, оказалось не имѣющимъ того значенія, какъ казалось Неронову. Безпокойный чернецъ соборомъ 1 іюля 1666 года сосланъ былъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, съ наставленіемъ, чтобы велъ себя смиренно и въ послушаніи. Здѣсь онъ, не признававшій никакой надъ нимъ православной церковной власти, безъ разрѣшенія архіерейскаго, и литургіи служилъ, и поученія читалъ, и благословлялъ, но съ братією велъ себя грубо и бранился, такъ что на Свѣтлое воскресенье не слышно было чтенія Дѣяній Апостольскихъ, а за обѣдомъ въ Свѣтлое воскресенье бранился съ келаремъ и до того вывелъ его изъ терпѣнія, что тотъ сказалъ ему, „не сатана-ли прислалъ къ намъ этого Григорія“! Такое поведеніе Неронова, недававшее покоя братіи, снова было обсуждено соборомъ русскихъ іерарховъ. И на 1-мъ соборѣ 1 іюля 1666 года было замѣчено о Нероновѣ, что *онъ неоднократно каялся и опять уклонялся въ расколъ: пребысть во истиннѣ непостояненъ, яко трость* (220). Теперешній соборъ 1666 года августа 31 за церковный мятежъ и непокореніе собору опредѣлилъ Неронова отдать подъ строгій началъ съ запрещеніемъ входить ему въ алтарь, облачаться въ ризу или стихарь, надѣвать епитрахиль, благословлять, отлучили его отъ священства и причащенія Св. тайнъ и запретили его никуда не спускать изъ монастыря.

Между тѣмъ въ томъ же году соборомъ въ присутствіи вселенскихъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго Никонъ былъ лишенъ архіерейскаго сана и заточенъ въ Оерапонтовъ монастырь.

Нероновъ ясно увидѣлъ, что и безъ участія Никона не проходятъ даромъ его дерзкія рѣчи и дѣянія, и что чѣмъ дальше, тѣмъ дѣла его идутъ хуже. Тогда онъ, не ожидая себѣ милостей отъ русской власти, рѣшилъ послать жалобу на русскихъ іерарховъ восточнымъ патріархамъ, въ которой описалъ бывшія съ нимъ бѣдствія, а себя неповиннымъ страдальцемъ за правду и истину; „услышите, писалъ онъ патріархамъ, слезный гласъ моленія моего, старца Григорія, благоразсудите о мнѣ грѣшномъ истиннымъ и правымъ святительскимъ разсмотрѣніемъ по сему моему дѣлу, про што меня грѣшнаго мучать и отлученъ я отъ пречистыхъ тайнъ и отъ священныя службы другой годъ. Смилуйтесь, государи, пожалуйста“ (224).

Къ счастію Неронова, въ это время, по вызову царя, для суда надъ Никономъ прибыли въ Москву восточные патріархи Александрійскій и Антиохійскій. Къ нимъ на судъ и поступило дѣло Неронова, не по челобитью, впрочемъ, его, а судили его, какъ причастнаго къ расколу. Нероновъ понялъ, что приговоръ о немъ вселенскихъ патріарховъ—дѣло очень серьезное, для него послѣднее, что послѣ сего и жаловаться уже некому, измѣнилъ свой грубый образъ дѣйствій, и всему собору написалъ покаянное посланіе, въ которомъ, яко блудный сынъ, вопіялъ: „увы мнѣ грѣшному и окаянному, приложихся скотомъ безсмысленнымъ и уподобихся имъ“ и каляся, что онъ-де по несмыслству и неразсужденію доселѣ прекословилъ и враждовалъ всуе—и обѣщался о книгахъ исправленныхъ новопечатныхъ отнюдь и впредь ни словомъ, ни помышленіемъ не станетъ прекословить (312). Вселенскіе патріархи знали, что чернецъ Григорій непостояненъ въ истинѣ,

яко трость, кается, а потомъ снова принимается за то же суемудріе; почему и захотѣли лично убѣдиться въ его православіи и потребовали отъ него прочитати православный символъ вѣры безъ старообрядческихъ приложеній и сказать, какъ онъ читаетъ молитву Иисусову. Монахъ Григорій безукоризненно исповѣдалъ то и другое. Тогда они возложили на главу его свои руки, благословили и позволили надѣть ему — кукуль, камилавку и рясу. Григорій поклонился патріархамъ до земли. Послѣ того онъ обратился и къ государю съ просьбою: „Вели, благочестивый Государь, мнѣ грѣшному на упокой старости моей въ обитаніе мѣстечко, гдѣ ты изволишь“ (243). Соборъ восточныхъ патріарховъ и русскихъ іерарховъ принялъ старца Григорія въ общеніе съ православною церковію; однако по прежнимъ опытамъ не вполне довѣрялъ его раскаянію, особенно послѣ того, когда послѣ благословенія его восточные патріархи за благословеніемъ же послали его къ Іоасафу, патріарху Московскому. Іоасафъ, благословляя Григорія, сказалъ: „Григоріе! престоуди прю имѣти съ архіереями“. Григорій отвѣчалъ: „Владыко святой! аще и смерть пріяти готовъ есмь правды ради, — непостыжуся глаголати предъ цари и владыки“. Тогда опредѣлили послать его на испытаніе въ г. Переславль въ Даниловъ монастырь. Объ эгомъ мы и имѣемъ грамоту патріарха Іоасафа, писанную на имя келаря Данилова монастыря, старца Іакова, слѣдующаго содержания: „Указали мы, Святѣйшій Іоасафъ Патріархъ, быти въ Даниловѣ монастырѣ старцу Григорію Неронову на обѣщаніе его въ рядовой братіи и къ церкви Божіей всегда приходити. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ старцу Григорію Неронову велѣлъ быти на обѣщаніе ево въ Даниловѣ монастырѣ въ ря-

довой брати и къ церкви Божіей всегда приходитъ, да о томъ къ намъ отписать, а отписку велѣлъ подать въ нашемъ духовномъ приказѣ изъ Переславля Залѣскаго Горицкаго монастыря архимандриту Сергію, да келарю старцу Савѣ, да Срѣтенскаго собору, что у великаго Государя, на сѣняхъ протопопу Андрею Григорьеву. Писанъ на Москвѣ. 7176. Сентября (1668).

Въ Даниловѣ монастырѣ хотя не заключали Неронова въ темницу и не сажали на цѣпь, но подначальная жизнь казалась ему очень ничтожна; ему велѣно жить подъ началомъ, а онъ любилъ быть въ первыхъ и управлять другими. Недаромъ Аввакумъ называлъ его *главою*. Онъ не могъ примириться съ своимъ униженнымъ положеніемъ. Возвратъ въ Москву сдѣлался для него невозможнымъ послѣ осужденія его Соборомъ и мнѣнія о немъ патріарха Іоасафа. Въ Даниловѣ монастырѣ тогда настоятеля не было, и у него родились вождельнія попасть на это мѣсто. Случай къ этому представился очень хорошій. Дошелъ слухъ до Переславля, что царь Алексѣй Михайловичъ съ своею семьей прибудетъ въ Троицкую Лавру на память преподобнаго Сергія 25-го сентября. Такъ какъ житіе Неронова представляетъ ссылку его подъ началъ въ Даниловѣ монастырѣ безъ вѣдѣнія Государя (295), то въ головѣ его быстро состроился планъ представиться царю въ образѣ жалкаго, униженнаго, забытаго, невиннаго страдальца—и, какъ хорошій знатокъ души тишайшаго, рассчитывалъ расположить царя въ свою пользу. Сталъ онъ проситься у начальныхъ властей монастыря на нѣсколько дней къ Троицѣ, чтобы видѣть царя и поклониться ему. Братія монастыря (архимандрита послѣ смерти Аврама еще не было назначено) страха ради патріаршаго и про-

чихъ архіереевъ боялась отпустить его. „Не бойтесь, сказалъ имъ Нероновъ, увѣренный въ осуществленіи своего плана, не только скорби никакой не нанесу вамъ, но съ радостію примете меня, когда возвращусь къ вамъ“. И отпустили его. Пришелъ онъ въ обитель преподобнаго Сергія на другой день по прибытіи царя. Когда стали звонить къ литургіи, пришелъ въ церковь царь съ своимъ сыномъ Алексѣемъ и до начала литургіи сѣлъ въ папертяхъ церкви. Пришелъ туда же и старецъ Григорій и, увидѣвъ царя, поклонился ему и испросилъ у царя позволенія сказать ему слово. Царь позволилъ. Нероновъ началъ говорить: „праотецъ нашъ Адамъ за то, что не соблюлъ заповѣди, былъ изгнанъ изъ рая; но я, грѣшный, не вѣдаю, какую заповѣдь преступилъ, и изгнанъ изъ царскаго града и заточень, *дабы не видѣти царскаго лица твоего*“ и подалъ о томъ челобитную. Царь прочиталъ ее и сказалъ: „страдальче! біемъ одолѣвай,—принялъ онъ и царевичъ благословеніе отъ него—и дали они ему цѣловать десницы свои“ (стр. 297). По окончаніи литургіи царь позволилъ Неронову идти къ царицѣ и благословить ее и чадъ царскихъ. Черезъ нѣсколько времени приходитъ къ нему посолъ отъ царя съ повелѣніемъ—идти безъ всякой боязни въ Москву и дожидаться пришествія царя. Когда царь прибылъ въ Москву, тогда, конечно (хотя житіе и не упоминаетъ),—послалъ его къ патріарху съ повелѣніемъ, чтобы поставилъ Неронова въ архимандриты Переяславскаго Данилова монастыря. Житіе Неронова сказываетъ, что онъ былъ настоятелемъ монастыря 1 годъ и 3 мѣсяца, а умеръ онъ 1670 года Января 2-го,—слѣдовательно октября 2-го 1679 года Нероновъ былъ опредѣленъ настоятелемъ — архимандри-

томъ Данилова монастыря—чрезъ 7 дней послѣ свиданія его съ царемъ въ обители преподобнаго Сергія.

Яркими, благопріятными чертами описаны въ житіи Неронова его вступленіе въ монастырь въ качествѣ настоятеля и управленіе его монастыремъ: монастырская братія вышли въ срѣтеніе его съ св. крестомъ, свѣчами и пѣніемъ. А старецъ Григорій началъ чести поученіе отъ божественнаго писанія и со слезами умолялъ братію быть усердными Богу и жить добродѣтельно. Управленіе его монастыремъ въ житіи его представлено образцовымъ: въ церковь Божию къ службамъ церковнымъ приходилъ онъ прежде всѣхъ,—а на воскресные и праздничные дни завелъ служить всенощныя бдѣнія, богослуженіе совершалось истово и служилъ онъ самъ каждый день и поучалъ народъ отъ божественнаго писанія и когда поучалъ, то отъ очію слезы, яко рѣка, изливахуся. Послѣ божественной литургіи всѣмъ, бывшимъ въ обители, устраивалъ обѣдъ, а піянственный обычай въ монастырѣ до конца истреби. Такъ онъ правилъ обителью 1 годъ и три мѣсяца. Очень можетъ быть, что старецъ Григорій и такъ образцово управлялъ монастыремъ. Изъ прежнихъ опытовъ, напр. въ Нижнемъ-Новгородѣ, онъ показалъ, что онъ способенъ былъ на всякій трудъ къ приобрѣтенію вниманія къ себѣ народа. Сдѣлавшись по милости царя изъ опальнаго вдругъ архимандритомъ монастыря, онъ, конечно, всячески старался оправдать довѣріе царя и снискать расположеніе къ себѣ народа. Все это онъ дѣлалъ усердно, когда все дѣлалось по его желанію и ни отъ кого не встрѣчалъ себѣ противорѣчія. Онъ смотрѣлъ на свою дѣятельность, какъ на самую праведную и истинную и не хотѣлъ признавать надъ собою никакой власти цер-

ковной, если она ему дѣлала какія внушенія и исправленія. Избалованный вниманіемъ къ нему царя тишайшаго, къ которому онъ смѣлъ обращаться въ своихъ злоключеніяхъ, о. Иванъ Нероновъ — въ иночествѣ старецъ Григорій, и по пріятіи иночества, которымъ онъ обѣщался подъяти всякую укоризну и поношеніе и гоненіе, остался тѣмъ же Нероновымъ, который не терпѣлъ поношенія себѣ, и когда встрѣчалъ его, тотчасъ вопіялъ прямо къ царю и просилъ его о защитѣ и наказаніи виновныхъ. На это мы имѣемъ доказательства въ грамотѣ царской отъ 7177 — 1669 г., послѣдовавшей по жалобѣ архимандрита Неронова въ 1-й же годъ его настоятельства въ Даниловѣ монастырѣ. И какъ грамота эта еще нигдѣ не напечатана, то мы и приводимъ ее въ полномъ видѣ: „Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца въ Переславль Залѣсскій Степану Тимоѣевичу Салтыкову. Билъ челомъ намъ Великому Государю Переславля Залѣскаго Данилова монастыря архимандритъ Григорій Нероновъ Переславля Залѣскаго нашей Великаго Государя дворцовой рыбной слободы ¹⁾ на рыбныхъ ловцовъ на Данилка Пантелеева сына Шаврина съ товарищи, въ нынѣшнемъ де 7177-мъ (1669) годѣ послѣ свѣтлой недѣли въ шестое воскресенье ²⁾ былъ онъ архимандритъ въ рыбной слободѣ въ церкви Введенія Пресвятыя Богородицы ³⁾ у всенощнаго, и

---

¹⁾ См. мою статью „Переславское озеро и Рыбная слобода“ въ Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній Н. Калачева, кн. 5. 1863 г.

²⁾ Петръ I въ 1692 году въ это воскресенье торжественно спустилъ въ озеро построенные имъ два фрегата и три яхты. (См. тамъ же, стр. 12.)

³⁾ Эта церковь во имя Введенія Богородицы была въ самомъ дѣлѣ женскимъ монастыремъ, хотя объ этомъ въ грамотѣ царской

онъ де Данилка съ товарищи въ церкви Божіи во время святаго пѣнія учинили мятежъ и ево архимандрита бранили всякою неподобною бранію и изъ церкви Божіей вонъ выбили, и намъ Великому Государю пожаловать бы ево велѣть на нихъ Данилка съ товарищи въ томъ ево иску дать очная ставка, и о томъ дати нашу Великаго Государя грамоту, и какъ къ тебѣ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и ты бѣ тѣхъ ловцовъ Данилка Шаврина съ товарищи велѣлъ, сыскавъ, поставитъ предъ собою съ исцомъ ихъ Данилова монастыря съ архимандритомъ Григорьемъ, или ково онъ въ свое мѣсто пришлетъ съ очи на очи, да въ томъ ево иску судилъ и сыски всякими сыскалъ на крѣпко по нашему Великогаго Государя указу и по соборному уложению, да тое ихъ очную ставку и сыскные по истца и по отвѣтчиковъ поручныя записи прислать къ Москвѣ тотчасъ, да о томъ къ намъ Великому Государю писалъ, а отписку и очную ставку и сыскъ и поручныя по нихъ записи за руками велѣлъ подать въ дворцовомъ судномъ приказѣ боярину и оружейничему нашему Богдану Матвѣевичу, да думному нашему дворянину Ивану Богдановичу Хитрову, да Воину Калинниковичу Селифонтову, да дьякомъ нашимъ Ивану Вахрамѣеву, да Ивану Протопопову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7177 Августа въ дѣ день.

Архимандритъ Григорій Нероновъ былъ въ церкви Введенія Пресв. Богородицы у всенощной

не указывается. Въ сотной грамотѣ 1562 письма и мѣры кн. Ивана Романодовскаго значится и въ писцовыхъ книгахъ Тимофея Маракушева 1675 -76 г. писано: да въ рыбной слободѣ на Введенской сторонѣ Введенскій дѣвичъ монастырь; при немъ бѣлый священникъ и діаконъ, игуменія и 9 старицъ; всѣ они получали царское жалованье и ругу пищевыхъ предметовъ.

на шестое воскресенье послѣ Пасхи. Шестое воскресенье послѣ Пасхи издавна праздновалось и нынѣ празднуется рыбаками, какъ особый праздникъ, имѣющій отношеніе къ ихъ рыбному промыслу. Главная рыба въ озерѣ сельдь, отъ ловли которой зависитъ благосостояніе рыбаковъ. Она ловится два раза въ годъ: зимой около праздника Введенія во храмъ Богородицы, такъ называемая поледная сельдь, и потому построена церковь на берегу озера, или дѣвичь монастырь, — и лѣтомъ, такъ называемая, озорная сельдь (на зорѣ пойманная) послѣ шестого воскресенья послѣ Пасхи, около іюня или въ іюлѣ мѣсяцѣ. Архимандритъ Григорій былъ у праздничной всенощной, въ качествѣ нѣкоего наблюдателя, потому что, пользуясь благосклонностію къ нему царя, считалъ себя вправѣ наблюдать за богослуженіемъ въ церкви, принадлежащей къ дворцовому вѣдомству. И такъ какъ вездѣ любилъ онъ дѣлать вслухъ замѣчанія мѣстной братіи за отступленія отъ устава, даже, какъ показалъ опытъ въ Іосифовомъ монастырѣ, браниться до того громко, что въ немъ не слышно было чтенія на Свѣтлое Воскресенье Дѣяній Апостольскихъ, то очень вѣроятно, что онъ и въ Введенской церкви не стѣсняясь сталъ дѣлать замѣчанія и назиданія. Рыбаки же, конечно, знали, что онъ сосланъ былъ въ Даниловъ монастырь подъ началъ, и только недавно сдѣланъ архимандритомъ по своему искательству; почему не стали, по своему недомыслию, церемониться съ нимъ и выгнали его изъ церкви. Очень жаль, что въ монастырскомъ архивѣ не сохранилось допросныхъ рѣчей и о. Неронова, и рыбаковъ.

Но какъ бы то ни было, старецъ Григорій Нероновъ настоятельствовалъ въ Даниловомъ мона-

стырѣ въ санѣ архимандрита 1 годъ и 3 мѣсяца и скончалъ свою бурную жизнь 2-го января 7178 г. (1670 г.), имѣя 79 лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ папертяхъ соборной церкви Данилова монастыря.

Вотъ кто былъ Даниловскій архимандритъ Григорій Нероновъ, погребенный въ томъ монастырѣ!

Дѣйств. чл. *Прот. А. И. Свирьлинъ.*
